

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая.....	9
Глава вторая.....	48
Глава третья	77
Глава четвертая.....	102
Глава пятая.....	124
Глава шестая	151
Глава седьмая.....	176
Глава восьмая	204
Глава девятая	237
Глава десятая	265
Глава одиннадцатая.....	290
Глава двенадцатая.....	318

Рваное ухо оглядел свою стаю и усмехнулся про себя. Интересно, вызовут ли его в этом году на поединок или нет. Молодежь подросла, заматерела, и некоторым уже, наверное, хотелось помериться силой со старым, в их понятии, вожаком, надеясь победить и на правах победителя возглавить стаю. Молодежь безрассудна, нетерпелива и неопытна. Получив трепку, они зализывали раны и успокаивались на некоторое время, до следующего раза. Но Рваное ухо не был бы столько лет вожаком, если бы не видел, кто и когда попытается оспорить его главенство. Вот и сейчас он был настороже, ожидая нападения. А он был еще сильным и даже можно сказать опытным интриганом, если такое словосочетание можно применить к волкам. Поэтому, сделав вид, что его что-то заинтересовало в стороне от расположившейся стаи, стоял и смотрел, словно не

замечая изготовившегося к прыжку одного из молодых волков. Наконец молодой решился и взвился вверх, надеясь ударить неожиданно грудью в плечо вожака и, сбив его с ног, вцепиться в горло. Но в тот момент, когда молодой сделал свой прыжок, вожак подскочил вверх и в сторону, оттолкнувшись всеми четырьмя лапами, и, извернувшись в воздухе, впился клыками в холку напавшего самца. По недавно выпавшему снегу покатился шерстяной клубок, рычащий и разбрасывающий вокруг себя шерсть. Через некоторое время молодой, получив хорошую трепку, заскулил и, перестав сопротивляться, упал на спину, подставляя вожаку свое брюхо, тем самым признавая его победу и власть над собой. Вожак ухмыльнулся, поставив лапу на грудь лежащему перед ним молодому волку и запрокинув вверх голову. Над заснеженной поляной раздался хриплый вой, в котором слышались и радость победы, и сдержанная угроза, и торжество.

Вдруг что-то насторожило вожака, он прервал свою песнь и замер, прислушиваясь. На дальнем конце заснеженной поляны вдруг загорелся радужный овал и раздался тонкий хрустальный звон. А потом из этого переливающегося разными цветами овала выпал человек. Человек лежал какое-то время, затем тяжело встал и, неуверенно шагая, словно на

плечах его был тяжелый груз, двинулся в ту сторону, где притаилась стая.

Чем ближе подходил человек, тем сильнее волновались волки. Страх, переходящий в ужас, стал накрывать стаю, этот страх вызывал приближающийся человек. Рваное ухо постоял еще немного, а потом тихо рыкнул, и волки один за другим скрылись за припорошенными снегом деревьями. Последним с поляны уходил вожак.

Человек тяжело и медленно, чуть покачиваясь при ходьбе, шел по направлению к расположенному совсем рядом лесному хутору. Его след был отмечен редкими каплями крови. «Ничего, — думал он, — немного осталось, дойду». Он ненадолго привалился к стволу дерева, перевел дух, а потом побрел дальше. Вот уже и стены ограды хутора замелькали сквозь деревья, человек упорно шел и шел. И когда он вышел на поляну, на которой располагался хутор, его заметили со стены, окружавшей поселение.

— Посмотри, Фрол, — обратился молодой парень к мужику постарше. — Никак князь наш идет, только как-то странно.

Тот, кого называли Фрол, посмотрел, бросился к воротам и принялся их открывать. Открыв одну створку, проскользнул в нее и побежал к идущему человеку. Закинул его руку

себе на плечо и повел, потащил того к воротам. Со стороны пара смотрелась комично. Тот, кого назвали князь, огромный, словно ставший на задние лапы медведь, и Фрол — нормального роста, но кряжистый.

— Держись, княже, ты уже дома, — приговаривал Фрол. — Николка, зови быстрее лекарку, князь ранен, и ворота прикрой.

Глава первая

Дмитрий Семенович Вересов не спеша возвращался домой из аптеки. Спокойным размеренным шагом обходил лужи на тротуаре, опираясь на трость. Осень. Начал накрапывать дождь, и Дмитрий Семенович чуть ускорил шаг, хоть ему и было это сложно сделать. Промокнуть он не хотел, прекрасно понимая, что можно ведь и заболеть, и никто не даст гарантии, что все закончится благополучно. Семьдесят пять лет, это вам не кот начинал, годы брали свое. И некогда бравый и веселый Димка Вересов последнее время стал сдавать. Он еще пытался хорохориться, но сам уже прекрасно понимал, прошло его время. Возраст давал о себе знать. Дети звали к себе, и дочь, и сыновья, но он тянул время, раздумывал. Да и если признаться, не хотел быть никому в тягость, а если уедет, то за могилкой жены кто при-

глядит. Хотя тут проблем вроде бы и не было, он платил похоронному бюро за уход за могилой Наташи, и работники бюро содержали ее в порядке. Да, годы пролетели, оглянуться не успел, вот и Наташа ушла и оставила его одного. Наконец он дошел. Дмитрий Семенович встал под козырек подъезда, ему всегда нравилась такая погода, — тихо, тепло и моросит мелкий дождик, сразу на душе становится как-то уютно. Хотя были времена, когда он дождь просто ненавидел. Чечня, 2008 год, когда в грязи можно было просто утонуть, не то что сапоги оставить. Да, тогда всем доставалось, больше всех простым солдатам, по сути пацанам, сколько их там осталось. Вот тогда он и принял решение уйти, да и выслужил он уже все, генералом ему не стать, хотя он был бы не против. Но тут надо уметь лизать задницы вышестоящему начальству, а он этого не умел, да и не хотел. Ему и так два срока передержали звание, а нечего было сомневаться в честности начальника вооружения полка, оказавшегося племянником командира дивизии. Ладно, дело прошлое, да и не хотелось вспоминать, сколько дерьма на него тогда вылили. Как только из армии с волчьим билетом не выперли. Уволил-ся полковником, дали, так сказать, на дорожку, да и черт с ним. А этого крысеныша, который еще в первую чеченскую оружие чехам толкал,

все-таки убили. Как ему потом сообщили, наверное, что-то пошло не так — или обжулил покупателей, или свои же втихаря и грохнули. Ну да сколько веревочке не виться... Империя рухнула, та страна, которой он давал присягу, к которой прислушивался весь мир, даже когда она говорила шепотом. Ее растащили, разорвав по живому, и наверх начала всплывать всевозможная мерзость, для которой подставить, предать, пойти на сделку с врагом было в порядке вещей, ну а гражданская война добила совсем. Ему было противно, но он воевал. Не дело воину прятаться от обязанностей, правители меняются, а Россия остается, и он прошел ее, эту стыдную войну. А вот когда закончилась, он и ушел, хотя мог бы еще послужить, да и должность предлагали, но смотреть на все, что происходило, у него просто не было сил. Несмотря на то что уже все вроде бы и налаживаться начало, но он надорвался душевно, вот и ушел.

Дмитрий Семенович еще немного постоял, глядя на проносящиеся под дождем машины и спешащих прохожих, открыл дверь подъезда и, прихрамывая, стал не спеша подниматься к себе на этаж. На площадке между вторым и третьим этажами сидели на подоконнике несколько парней лет по шестнадцать-семнадцать и курили анашу. Уж этот запах он еще с Афгана

помнит, многие тогда этим баловались. Среди парней был и сосед, живущий над ним, великовозрастный болван тридцати пяти лет, нигде не работающий, да и вообще семья их была небогатая.

— Вы чего тут расселись? — спросил он. — Да еще и курите хрен знает что.

Парни не только курили, они еще прихлебывали какое-то пойло, разящее сивухой, а двое что-то грели в ложке над зажигалкой.

— А ну пошли вон, а тебе, Валерка, вообще должно быть стыдно, здоровый лось с малолетками связался! — Может, надо было бывшему полковнику промолчать, но все уже было сказано.

— Дед, бл*, пошел на х*р, — проговорил один из тех, кто что-то грел в ложке, а когда отвлекся, ложку наклонил, и из нее полилась какая-то жидкость.

— Сука, ты что делаешь, козлина, — вызверился его напарник.

— Да я... да это этот козел виноват, из-за него, козла, все пролил, — пробурчал провинившийся и, не говоря больше ничего, попытался ударить Дмитрия Семеновича.

Но старый солдат уже ожидал чего-то такого, поэтому среагировал вовремя и немного отклонился, отодвигаясь, и парень провалился. И точно бы скатился по ступеням вниз и даже,

может, сломал бы себе шею, не придержи его за куртку полковник. Вот только сзади вдруг что-то его обожгло, а потом скрутило болью, и боль была страшная. В глазах все помутилось, и Дмитрий начал падать, он ухватился за перила и попытался устоять, и, уже теряя сознание, услышал:

— Ты что, сучара, наделал, ты же его убил, валим на х*р отсюда.

А Дмитрий Семенович упал на заплеванную, холодную бетонную площадку и умер.

Пришел он в себя неизвестно где, вокруг было темно, хоть глаз выколи. Он попытался осмотреться, но ничего не получилось. Тело не слушалось, и оставалось только тупо пялиться в одну точку перед собой. В этот самый момент он вспомнил все, что с ним происходило.

«Неужели я выбрался, — мелькнула мысль, — а, может, эти уроды вызвали скорую, и я теперь в больнице?»

— Ну и чего мы будем с ним носиться? — Услышал он голос, который был совсем рядом, но никого не увидел.

— Что сказали, то и будем делать, — ответил другой голос, — хватит и того, что мы с то-

бой попали сюда. Это же надо было тебя послушать, а теперь что, понижение, а если еще совершим проступок, забудь обо всем. Так и будем на сортировке пахать.

— Слушай, а чего с ним возиться, давай отправим его на нижний план, и все.

— Нельзя, сказали обеспечить нормальное перерождение. Почему, не знаю.

— Нельзя, нельзя, как надоело мне все это, то нельзя, это нельзя. А когда уже лзья будет?

— Нет такого слова. Ирит, слушай, что я тебе говорю, я — старший, и твоя обязанность безоговорочно выполнять приказы. Ты все сделал, что я тебе раньше говорил?

— Ой, да что там делать, все, можешь отправлять.

С этими словами все вокруг Дмитрия Семеновича закружилось, ему показалось, что его словно засасывает в какую-то воронку. И еще он вдруг понял, что у него нет тела, а в самый последний момент, когда он куда-то полетел, вдруг услышал:

— Ты что творишь, придурок, у него ведь не стерли память о прежней жизни, теперь точно нас...

Что там говорили дальше, Дмитрий не слышал, все звуки и чувства отключились.